

На правах рукописи

Фенчук Олег Николаевич

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПАМЯТИ
В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Воронеж – 2012

Работа выполнена на кафедре теории литературы и фольклора ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории литературы
и фольклора ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»
Акаткин Виктор Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской литературы
XX-XXI веков и истории зарубежной
литературы ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет»
Михеичева Екатерина Абдул-Маджидовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры историко-культурного наследия
ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина»
Борисова Наталья Валерьевна

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет»

Защита состоится 28 ноября 2012 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан «__» октября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О. А. Бердникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество И.А. Бунина вызывало и вызывает неизменный интерес отечественных и зарубежных филологов. В работах В.М. Акаткина, Б.В. Аверина, А.К. Бабореко, А.В. Бахраха, О.А. Бердниковой, Г.М. Благасовой, О.Н. Владимирова, Т.М. Двинятиной, Л.К. Долгополова, А.А. Дякиной, Г.Ю. Карпенко, В.А. Келдыша, Н.М. Кучеровского, Ю.В. Мальцева, О.Н. Михайлова, А.А. Нинова, Н.В. Пращерук, О.В. Сливицкой и др. определены, разработаны и получили дальнейшее развитие основные направления изучения литературной деятельности И.А. Бунина. Внимание современных литературоведов привлекают многообразные аспекты его творчества: мироощущение и эстетические идеалы; особенности художественного метода и стиля; место в литературном процессе; связь с событиями и идеями общественной и культурной жизни.

Уже в самых первых статьях, посвящённых осмыслению принадлежности Бунина к определённому литературному течению, отмечалась особая роль памяти, воспоминания в его творчестве. Кроме того, в целом ряде эмигрантских работ и исследованиях зарубежных учёных, устанавливающих предпосылки типологического сближения его творчества с модернизмом, была отмечена особая роль памяти. Значительный вклад в изучение творчества Бунина и его связей с модернизмом внёс Ю.В. Мальцев. Показательны названия глав его работы «Жизнь Бунина. 1870-1953» (1994) – «Прапамять», «Модерность», «Элизий памяти», в которых исследователь проводит наблюдения над типологическими составляющими произведений Бунина, определяющими точки его соприкосновения и отталкивания с символистами и другими литературными течениями. Однако нас интересует выделенная Ю.В. Мальцевым в этих главах – как центральная – проблема памяти в творчестве Бунина.

Проблема «Бунин и модернизм», т.е. спор о принадлежности художника к реалистической или модернистской литературной платформе, а конкретнее корреляция традиционалистских и новаторских тенденций в его творчестве, берёт своё начало в дореволюционной критике и приобретает полемическую остроту в работах современных исследователей. Обсуждение вопроса о модернистских тенденциях в его творчестве началось в начале XX века с заметок С. Глаголя, Е. Колтоновской, В. Львова-Рогачевского, В. Шулятикова и др. Более интенсивно разговор о художественных принципах модернизма в творчестве И.А. Бунина зазвучал в эмигрантской критике (Г. Адамович, М. Алданов, П. Бицилли, В. Вейдле, И. Ильин и др.) В советском, а позже в российском литературоведении эта проблема затронута в статьях В. Афанасьева, О. Бердниковой, Л. Долгополова, В. Келдыша, И. Минераловой, Б. Ничипорова, М. Штерн и др. Не остался без внимания вопрос «модерности» бунинских произведений и в зарубежном литературоведении, что нашло своё отражение в работах Т. Винера, Дж. Вудворда, Т. Марулло, Д. Ричардса.

В исследованиях последних лет продолжают осуществляться попытки системного описания взаимодействия Бунина с модернизмом. Так или иначе во всех работах отмечается особая роль памяти в творчестве Бунина. Эта проблема затронута в статьях М.К. Кшондзер «И.А. Бунин и поэзия Серебряного века» и Т.М. Двинятиной «Поэзия И.А. Бунина и акмеизм». Кроме перечисленных работ проблема «Бунин и модернизм» была рассмотрена и в рамках системного научного исследования в монографии И.Б. Ничипорова «Поэзия темна, в словах невыразима... Творчество И.А. Бунина и модернизм» (2003). Автор монографии достаточно убедительно говорит не только о влиянии художественных принципов модернизма на Бунина, но и указывает на важнейшую роль самого Бунина в формировании эстетических принципов модернизма. Исследователь выделяет память, в её онтологическом понимании, как основу бунинского творчества, позволяющую воскрешать прошлое благодаря особым «образам-символам». И если для символистов жизнь – это «книга искусства», то для Бунина искусство, несмотря на всю свою силу и красоту, уступает великой тайне «земного бытия». Дальнейшее исследование вопроса о художественной памяти в бунинских произведениях нуждается в детализации аспектов соотношения его с модернизмом: отдельном внимании к прозе и поэзии, особом взгляде на литературно-эстетические категории, такие, например, как культурная и личная память, символика, рассмотрение духовной составляющей его произведений.

Редкие врождённые качества, развитые до совершенства и реализованные в его литературной работе, не перестают удивлять новые и новые поколения исследователей и поклонников творчества великого русского поэта. Категория «память» представляет собой один из краеугольных камней в архитектуре поэтического наследия И.А. Бунина. «Чем я живу? Всё вспоминаю, вспоминаю»¹ – записывает Бунин в дневнике 20 августа 1917 года. Это не случайная запись. Любовь к родине и вечные тайны мироздания, мимолётность счастья и глубина страдания, чувственная страсть и красота природы предстают в его воспоминаниях. Память становится монолитной основой, на которой строится литературная работа. А кроме того, память – возможность осознать ценность личного опыта. Запись, сделанная в ночь с 27 на 28 января 1953 года, подтверждает нашу мысль: «Замечательно! Всё о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего *все об одном и том же в прошлом*: об утерянном, пропущенном, счастливом, неценённом, о непоправимых поступках своих, глупых и даже бездумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недалёковидности и неотмщённости за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот всё, всё поглотит могила!»² [Курсив в оригинале. – О.Ф.].

Проблема памяти до сих пор не исследована во всей своей целостности, хотя сделано здесь немало. Исследователь Л.М. Ньюбина справедливо полагает, что память – несёт в себе определённую структуру и выполняет некие

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 32.

² Бунин И.А. Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. М., 2005. Т. I. С. 405.

процессы, т.е. представляет операционные механизмы её работы. К структуре следует отнести виды памяти – ассоциативную, образную, эмоциональную, иконическую и т.д. К операционным механизмам – процессы запоминания, сохранения, воспроизведения и забывания. В свою очередь, Ян Ассман в фундаментальном исследовании «Культурная память» выделяет сохраняющую, идентифицирующую и дифференцирующую функции памяти.

Среди наиболее основательных и целостных исследований по проблеме функционирования памяти в литературном произведении можно отметить работы Л.М. Ньюбиной «Поэтика и прагматика мнемонического повествования» (2000), Э.Д.Томпсон «Братья Карамазовы» и поэтика памяти» (2000), О.В. Евдокимовой «Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова» (2001), Н.З. Коковиной «Категория памяти в русской литературе XIX века» (2003), Е.М. Болдыревой «Memini ergo sum: автобиографический метатекст И.А.Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма» (2007), О.В. Свахиной «Функции культурной памяти в повестях И.С. Тургенева 1850–1870-х годов» (2008), Е.А. Иваньшиной «Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова» (2010) и некоторые другие.

Накопленные за последние годы знания по проблеме памяти, осознание необходимости их научной интерпретации, культурологического и литературоведческого осмысления создают предпосылки для дальнейшей разработки проблемы. Возрастание интереса к феноменам коллективной и индивидуальной памяти, категориям памяти и воспоминания, отсутствие исследований, в комплексе охватывающих исследовательский материал и теоретическую основу категории память в поэзии Бунина, обусловили **актуальность** темы диссертации.

Наиболее часто категория память становится объектом рассмотрения в анализе хронотопа и идейно-тематической структуры прозаических произведений И.А. Бунина. В целом же следует констатировать, что в имеющихся научных исследованиях память в поэзии Бунина не рассматривается как система, указанная проблема не освещается во всей ее содержательной полноте.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней рассмотрены вопросы качественного разнообразия памяти в бунинских произведениях и своеобразие её функционирования в творчестве поэта, что позволяет увидеть лирические произведения Бунина под новым углом зрения и даёт возможность обнаружить в них новые смыслы.

Объектом исследования является творческое наследие И.А. Бунина.

Предмет исследования – категория памяти, её структура, место и функции в стихотворениях поэта.

Соответственно **материалом** нашего исследования является стихотворное наследие И.А. Бунина (1887 – 1953 гг.). Мы рассматриваем также прозаические произведения, несущие в себе проявления художественной памяти. Привлекаются лирические произведения поэтов Серебряного века и классического периода русской литературы (К. Бальмонта, А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, А. Фета, В. Жуковского), с которыми

перекликаются на образном, тематическом и стилистическом уровнях стихотворения Бунина.

Целью исследования является выявление базисных принципов и закономерностей работы памяти, определение функций воспоминаний в структуре поэтических текстов Бунина.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании решаются следующие **задачи**:

1. Исследовать структуру и функции памяти в лирике Бунина.
2. Выявить механизмы работы памяти в произведениях Бунина.
3. Рассмотреть функции коллективной памяти в религиозном и культурном контексте.
4. Провести сравнительный анализ произведений И.А. Бунина и поэтов Серебряного века, исследовать особенности их поэтики в аспекте памяти.
5. Рассмотреть стихотворения Бунина в контексте классической русской поэзии.
6. Проанализировать функции экфрасиса в поэзии И.А. Бунина, роль эмблемы в реализации живописных аллюзий.

Методологическую основу исследования составили теоретические труды М.М. Бахтина, А.И. Белецкого, В.В. Виноградова, Б.М. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунского, Б.О. Кормана, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др., культурологов Я. Ассмана, Ф. Йетс. При изучении онтологической составляющей проблемы человеческой памяти мы опирались на идеи, содержащиеся в трудах философов Августина Блаженного, Н.А. Бердяева, А. Бергсона, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, В.Н. Лосского, П. Рикёра. Кроме того, были использованы результаты исследований, представленные в работах классиков психологии – Л.С. Выготского, П.П. Блонского, К.Г. Юнга, современные труды филологов.

В диссертации сочетаются сравнительно-исторический, структурно-системный, биографический, мотивный **методы исследования** и элементы культурологического анализа художественного произведения.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Введение различных проявлений «памяти» в художественную структуру стихотворений И.А. Бунина является особым художественным приемом создания изобразительного, психологического и сюжетно-композиционного рядов.
2. Воспоминания организуют пространственно-временной континуум произведения, при этом зачастую сюжет определяется фрагментарным движением воспоминаний лирического субъекта. Нередко воспоминания возникают произвольно и носят характер видения, сна.
3. Одной из особенностей бунинской поэзии является экфрастичность. Живописные аллюзии участвуют в формировании ассоциативного контекста, эмблематической образности, что во многом определяет природу художественной изобразительности в лирике поэта.
4. Изучение функций памяти в текстах стихотворений Бунина позволяет говорить о типологической сложности феномена «память»,

- многоликости воспоминаний (зрительные, акустические, ольфакторные, синестетические), построенных по принципу контраста и ассоциации.
5. В стихотворениях И.А. Бунина раскрывается поэтический потенциал феномена «память», что позволило выявить такие «механизмы» процессов памяти, как: 1) воспоминание; 2) припоминание; 3) забывание.
 6. Память позволяет поэту вступать в творческий диалог с предшествующей литературной традицией (В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет) на основе мотива «невыразимого».
 7. В стихах И.А. Бунина выявляются диалогические связи с поэзией А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилёва на основе тематических аналогий и сходства мотивов «памяти», «слова», «встречи», заявленных в заглавии стихотворений.

Теоретическая значимость исследования заключается в разграничении понятий «запоминание», «припоминание», «забывание», «воспоминание», «память», «культурная память», «прапамять», определении функциональных особенностей памяти в поэзии И.А. Бунина. Выводы, сделанные на основе изучения поэтики памяти, вносят вклад в решение проблемы бунинского художественного стиля и метода.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал диссертации может быть использован при чтении общих и специальных курсов лекций в ВУЗе и школе по истории русской литературы, культурологическим дисциплинам.

Апробация работы. Основные результаты диссертации отражены в семи публикациях автора, докладывались на Всероссийской научной конференции «Елецкий креатив: жизнь и творческая судьба преподавателей и учащихся Елецкой мужской гимназии» (Елец, 2009), на Международной научной конференции «Наследие А.Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим» (Воронеж, 2010), на Международной научной конференции «И.А. Бунин и XXI век» (Елец, 2010), на Всероссийской научной конференции «Память разума и память сердца» (Воронеж, 2011).

Данное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографии, насчитывающей 244 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении проводится аналитический обзор работ по теме исследования, обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяются предмет, цель и задачи диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Структура, виды и функции памяти в произведениях И.А. Бунина» речь идёт о проявлениях личностной и культурной памяти в произведениях И.А. Бунина. Телесное восприятие окружающей действительности как основа художественной образности превалирует в произведениях поэта, что отмечено большинством исследователей его творчества (Е.Е. Ермакова, О.В. Сливичкая, М.Ю. Фиш и

др.). Поэтому и воспоминания в стихотворениях Бунина формируются как зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и другие чувственные образы. Перцептивные образы в поэзии Бунина – это и субъективные впечатления лирического «я», и встроенные в сферу культурной памяти символы.

В разделе «**1.1. Панорама визуальных воспоминаний**» выявлены романтические тенденции в стихотворениях, основанных на визуальных воспоминаниях, выразившиеся в различных проявлениях: от сна и видения до воспоминаний о реальных событиях и чувствах лирического субъекта. Для поэзии Бунина характерна музыкальность ритма, детально насыщенная изобразительность, элегичность настроения, созерцательность. Именно созерцательность выделяется среди указанных черт лирического изображения на протяжении всего творчества поэта. В последние годы появились исследования, в которых созерцательность поэзии Бунина подробно анализируется в контексте проблемы соотношения в его творчестве тех или иных элементов поэтики предшествующих литературных направлений.³ Немаловажным моментом изучения данного вопроса является анализ медитативного и изобразительного начал его поэзии. В исследовании Р.М. Балановского «Художественное мирозерцание И.А. Бунина конца 1880-х – начала 1900-х годов» отмечено, что поэзии Бунина характерны романтические идеалы «мира нетронутой природы», «культы настоящего мгновения» и «диалога с прошлым».

Как отметил автор, кроме «культы настоящего мгновения» в творчестве Бунина присутствует и другая важная категория – «память» («диалог с прошлым»), которая пронизывает образы его произведений, составляет их художественную структуру. И «культ настоящего мгновения», и «память» являются важнейшими звеньями лирического сюжета. Между тем изобразительность поэзии Бунина тесным образом связана с «миром нетронутой природы». Поэт не просто описывает природные явления, но создаёт определённый эмоциональный фон, позволяющей уловить гармоничную взаимосвязь между естественным миром и человеком. Если одни стихотворения пронизаны настроениями упадка и запустения, элегической грусти, то в других передано состояние умиротворения, растворённости в окружающем мире природы.

Сюжет стихотворений, представляющих зрительные образы, является развёрнутым описанием видений и снов. Для стихотворений Бунина характерно цельное представление действительности, воссоздающее определённую впечатлений лирического субъекта. В этих стихах не существует незначительных мелочей – каждая представленная в описании деталь несёт своё конкретное содержание, создавая общую картину видения. Во многих стихах на идейном уровне представлено единение человека и природы, родство всего сущего, что являет целостную концепцию человека и мира. Воспоминание воссоздаёт картину, некогда виденную лирическим героем, но

³ Соотношение реалистических и романтических тенденций в поэзии Бунина является предметом отдельного литературоведческого интереса (Г.М. Благасова, А.А. Дякина, Л.Д. Никольская).

акцентирует внимание не на времени, а на расстоянии, пространстве, месте («Вино», «Далеко за морем»).

Мечтательность, переадресация внимания с реального на воображаемое – характерные черты поэтики романтизма, которые проявляется и в стихотворениях Бунина. Как правило, воспоминание-видение возникает ассоциативно и может быть реакцией на неясные отражения в воде, яркий блеск звёзд, «бледный полусвет», однако важно, что толчком, пробуждающим память, выступает природная стихия. Память лирического субъекта, сохраняя облик любимой девушки, ищет аналогию в мире природы. Пространственно-временные границы прошлого в указанных стихах отсутствуют, а само воспоминание передаёт либо детали портрета возлюбленной: «глаза», «взор», либо её неясный образ.

В ранних стихотворениях нашла своё отражение любовь Ивана Алексеевича к Варваре Владимировне Пашенко. Нельзя однозначно утверждать, что драматичная любовь к Варваре Пашенко стала единственным источником вдохновения поэта, однако есть все основания предполагать, что это чувство послужило поводом к написанию следующих стихотворений: «По вечерней заре», «На Днепре», «В открытом море», «Стояли ночи северного мая...», «Не угас ещё вдали закат...», «Спокойный взор, подобный взору лани...», «Гроза прошла над лесом стороною...».

Стихотворение «В стороне далёкой от родного края...» основано на наблюдении красочных картин весенних дней на «приволье тихих деревень». Представление весеннего дня является сном, о чём заявлено в первых строках стихотворения: «В стороне далёкой от родного края / Снится мне приволье тихих деревень».⁴ Воспоминание строится как динамичная визуальная картина, изобилующая подробностями цвето-световых переходов: «В поле при дороге белая берёза», «Ласково синее утреннее небо, / Лёгкой белой зыбью облака плывут», «Пар блестит над пашней»⁵ [Курсив мой – О.Ф.]. Несколькими «мазками» в первой дециме поэт рисует солнечный апрельский день. Стоит отметить, что свет солнца находит выражение в косвенных описаниях: «синее небо», «пар блестит».

Вторая строфа – своего рода комментарий к первому десятистишию. Во второй дециме воспроизводится зрительный образ девушки-невесты, аллегорически представляющей весну. Поэт сам указывает на аллегоричность образа весны. Во-первых, он заявляет, что приснившаяся девушка-невеста – это весна. Во-вторых, в аллегории даны краски, тождественные цветовой гамме первой строфы стихотворения, изображающей весенний день: голубые очи – синее небо, белые зыбкие облака – худое личико (бледность). И если первая децима является изображением просторов, покинутых субъектом лирического восприятия, и описанием крестьянского труда, то во второй дециме он выражает юношески-возвышенное отношение к родным местам и работе селян.

Обращение к национальным корням, фольклору – показательное, т.к. это одна из особенностей романтизма. В стихотворении представлена

⁴ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. М., 1965-1967. Т. I, С.85.

⁵ Там же, С. 85.

идиллическая картина сельской жизни. Восхищение красотой родных мест, колоритно выраженное во сне, указывает на эстетическую роль памяти. Воспоминания выполняют функцию гармонизации мира реального и идеального. Причиной идеализации прошлого становится разлука с родиной и сопутствующая ей тоска. Концентрация мысли лирического субъекта на местах, связанных с юностью, реализуется в сновидениях. Оппозиция «реального» и «идеального» воплощается в противопоставлении мира природного и мира воображаемого, представленного в «снах» и «видениях». С точки зрения романтических представлений «сон» связан с миром идеального, несёт в себе возвышенные душевные ценности. Выявленные в анализируемых стихотворениях особенности подтверждают мысль о романтических тенденциях в раннем творчестве поэта.

Процесс зрительного воспроизведения прошлого в стихах Бунина не является воспроизведением только снов и видений, кроме этого зрительная память воспроизводит картины реальности и выполняет изобразительно-выразительную функцию. Прямые указания на сезон, часть суток, возраст создают поле действия памяти – это «память-пора», метафора времени. Процесс метафоризации возраста по смежности с сезонными явлениями становится выражением поэтической функции памяти.

В разделе «**1.2. Акустические образы воспоминаний**» показано, что звуковые ощущения в стихотворениях Бунина выполняют разнообразные функции. Кроме естественной передачи реалий объективного мира, акустические образы могут выступать в роли символа, соотносимого с возрастом лирического героя, либо с определённым сезонным состоянием природы. Помимо перечисленных функций образ-звук может передавать определённую эмоционально-чувственную атмосферу воспроизводимых памятью событий. Все жизненные ситуации сопровождается чувственно-предметный компонент: тот или иной предмет напоминает о каком-либо событии, явлении индивидуальной памяти. Мелодия, звук, образ рождает череду связанных с ними ассоциаций, вызывающих наиболее яркие воспоминания. Возникновение определенного лирического состояния происходит по принципу подобия: изображение, звук или запах вызывают чувства, связанные с каким-либо явлением.

В стихах «Три ночи», «Осыпаются астры в садах...» звучит мысль о покорности человека несокрушимым законам мироздания. Это ясное понимание неудержимости времени и тщетности попыток «войти в одну и ту же реку дважды». Циклические изменения природных явлений, процессы перехода окружающего мира из одного сезонного состояния в другое, на описании которых строится сюжетная парадигма стихотворений, связываются ассоциативными связями с чувствами лирического субъекта. Комбинация ощущений и эмоционально-чувственного состояния лирического «я» в воспроизводимой памятью ситуации создаёт иллюзию реальности. Одним из приёмов создания текста воспоминаний является сочетание событий прошлого и настоящего, неожиданные сопоставления, создающие новые коннотации и сюжетные связи. В этом случае и между воспоминаниями возможен разрыв,

обусловленный включением в текст стихотворения описаний настоящего. Память протягивает нить, соединяющую сегодня и вчера. В данном контексте можно говорить о рекурсивности воспоминаний, т.е. об их взаимоотражающей и взаимодополняющей функциях в сюжете стихотворения.

В стихотворении «Три ночи» изображена динамичная картина наступления весны, где акцент смещён на звуковые ощущения. В изображении первой весенней ночи Бунин использует приём олицетворения, где меткий эпитет «стонущие берёзы» подготовлен художественным сравнением дождя со «слезами берёз». Лирический сюжет стихотворения строится на мотиве воспоминаний. Настоящее в этом стихотворении характеризуется как «померкший закат», т.е. ночь – время «воспоминаний», «грусти и радости». В этой ночной действительности память, совершая экскурс в недавнее прошлое, соединяет времена (воспоминание о двух весенних ночах, предшествовавших воспоминаниям о молодости). В стихотворении даются две временные перспективы воспоминаний: воспоминания, близкие к настоящему, и воспоминания, отделённые от настоящего некоторым сроком. Если недавние воспоминания выступают в форме акустических образов, то более поздние обращены к эмоциям и не представляют детально выраженных описаний.

В стихотворении «Запустение» ностальгические функции памяти проявляются в описании мелодии клавесина, воскрешающей голоса молодых женщин, поющих в сопровождении музыкального инструмента. Музыкальная мелодия, грустный напев навевают тоску по прошлому. Таким образом, память выступает в качестве звукового символа – музыкальной мелодии, передаваемой из поколения в поколение.

В указанных стихах память функционирует как сюжетообразующий мотив, кроме того, выполняет функции достоверной передачи реалий, восстановления подробностей прошлого. Кроме естественной передачи реалий объективного мира, акустические образы могут выступать в роли символа, соотносимого с возрастом, либо с определённым сезонным состоянием природы. Особое место здесь занимает некоторое длящееся состояние, запечатлённое в определённый момент. Навсегда запомнившиеся звуки, связанные с отчим домом, родными местами оживляют воспоминания. Писатель как бы вновь их слышит, воссоздавая картины прошедших лет.

В разделе «**1.3. Запахи и ароматы в структуре памяти**» речь идёт о проявлениях ольфакторной образности в поэзии И.А. Бунина. В ряду других телесных реакций, отвечающих на внешнее раздражение, обоняние занимает особое место. Повышенный интерес представляет роль обонятельных образов и в поэзии Серебряного века, открывшей новые возможности реализации универсального мира запахов в художественном произведении. Одним из самых неоднозначных и самых знаменитых образов поэзии Серебряного века стал «аромат солнца» К. Бальмонта. Поэт смело использует неожиданную метафору, которая становится средством преобразования реальности в символ. Импрессионистское восприятие действительности в этом стихотворении выражается в отсутствии конкретных описаний. В произведении отсутствует детальность изображения, поэт рисует некие абстрактные картины природы,

воплощённые в зрительных, акустических и обонятельных ощущениях, выражающих в совокупности «аромат солнца».

По-своему выражает «аромат солнца» И.А. Бунин в стихотворении «Детство». Лейтмотив стихотворения – детские ощущения, а сухой запах сосны становится синестетическим выражением солнечного света. Синестезия обонятельных и визуальных ощущений лирического героя бунинского стихотворения носит естественный характер и представляет очевидную закономерность толкования солнечного света как запаха. Перенос «невидимого» обонятельного ощущения на «невидимое» зрительное ощущение в стихотворении Бунина более органичен, чем соощущение «аромата солнца» в различных телесных откликах и чувствах в стихотворении Бальмонта.

Типологически запахи, используемые Буниным в стихотворениях, условно можно разделить на «сухие» и «сырые». «Сухие» запахи несут в себе тенденцию возрождения, а «сырые» – распада. Например, в отличие от «сухого» запаха сосны в стихотворении «Детство», винный запах в стихотворении «Люблю цветные стёкла окон...» подразумевает ощущение «сырости». В данном случае фразу «неясный винный запах» можно трактовать двояко: и как приятный фруктовый аромат, и как неприятный запах уксуса, прокисшего вина, либо их сочетание. Кроме того, опредмечивая запах «старинных шкапов и книг», поэт актуализирует культурно-исторический контекст описываемой ситуации. В стихотворениях Бунина запах позволяет воссоздать не только культурные атрибуты прошлого, но и указывает на древность тех мест, с которыми он связан. Это может быть как естественно-природный запах, так и искусственный аромат. Так, в стихотворении «Край без истории...», где прошлое ассоциативно связано с запахами, присущими древним промыслам, на запах мёда и дыма косвенно указывает ремесло субъектов воспоминания – жителей Полесья (бортников и смолокуров).

Насыщенная запахами поэзия Бунина несёт в себе глубокий символический смысл. Во многих стихотворениях восточной тематики запах становится символом древности, погибших цивилизаций, знаком памяти. В стихотворении «Зелёный стяг» поэт выражает чувства правоверного мусульманина к древнему знамени пророка Мухаммеда. Запах становится символом памяти («аромат веков»). Показательно, что запах древности предстаёт в двух ипостасях: запаха роз и дыхания тления, т.е. чего-то благоуханного и одновременно тлетворного. Смысл символа – в значении запахов. «Запах розы» ассоциируется в исламе с пророком Мухаммедом. «Дыхание тления» – знак древности. «Аромат веков» – символ тысячелетнего сохранения памяти о жизни пророка Мухаммеда.

Раздел «1.4. Эмблема и символ в экфрастической лирике И.А. Бунина» посвящён проблеме живописных и религиозных аллюзий в произведениях поэта. Изучение экфрасиса – одна из актуальнейших тем в современном литературоведении. Основные исследования экфрасиса в русской литературе появились преимущественно в последние годы, при этом наблюдается широкий спектр точек зрения по данному вопросу. Из последних наиболее интересных и актуальных работ в этой области является сборник

трудов Лозаннского симпозиума «Экфрасис в русской литературе» (2002). Экфрасис – художественное описание реального или условного (как конкретного произведения искусства, так и вымышленного) объекта живописи, музыки, литературы, представляющее самостоятельный литературный образ. Экфрасис в лирике Бунина – проблема, тесно связанная с категорией «память».

В стихотворениях Бунина, написанных под впечатлением живописных полотен («Витязь на распутье», «Бог Саваоф», «Воины Апокалипсиса»), сцен религиозных сюжетов, инструментом образного мышления зачастую выступает эмблема, которая базируется на основе словесно-графического единства. В экфрасисе описание может передавать как статику, так и динамику описываемого художественного объекта, т.е. причудливые и изменчивые формы природных явлений, схожих с произведениями искусства, например, воображаемого художественного объекта, а кроме того, воплощать не сам объект, а его восприятие.

Стихотворения библейской тематики, выражающие эмблему религиозного содержания, в поэзии Бунина, как правило, имеют двухчастную структуру и состоят из описания подтекста и темы, заданной в названии, – надписи. Подобной эмблемой Царствия Небесного является переложение I, IV и VI глав «Откровения Иоанна Богослова» – стихотворения «Сын Человеческий», «Из Апокалипсиса» и «День гнева», имеющие многочисленные живописные аналогии: гравюры и картины художников эпохи Ренессанса (Альбрехта Дюрера, Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда, Тициана), нас же интересуют картины Виктора Михайловича Васнецова, посвящённые указанным стихам Библии. Картины «Апокалипсиса» носят аллегорический, иносказательный смысл. Так, стихотворение «Сын человеческий» образно выражает эмблему «Иисуса Христа», представленную глазами Иоанна Предтечи. Религиозный символ «Альфа и Омега» – это начало и конец, знак вечности и Бога-сына. В свою очередь, стихотворение Бунина «Саваоф» содержит в себе живописные аллюзии картины Васнецова «Бог Саваоф» (роспись купола Владимирского собора в Киеве). Память лирического субъекта возвращает божественное изображение, несущее в себе библейскую эмблематику. Собственно описание визуального изображения Бога уже является эмблемой Царствия Небесного. Звёзды и облака, обязательные атрибуты его местопребывания, кроме того, являются символами: звезда – символ вечности и света, а облака символизируют божественную тайну, сокровенность. Картина несёт в себе и символику цвета: голубой – это символ божественного, тайного. Треугольная звезда является знаком «Всевидающего ока», эмблемой Троицы.

Непреодолимое стремление Бунина обогатить словесную речь языком других искусств связано со скептическим отношением к непогрешимости рассудочного начала в человеке, а кроме того, обусловлено доверием к духовным аспектам бытия, вниманием к природной жизни человека во всех её претворениях. В этом отношении показательным стихотворением Бунина «На распутье», написанное под впечатлением картины Васнецова «Витязь на распутье». Поэт переводит в словесный ряд живописные объекты по принципу

аналогии. Однако было бы ошибкой утверждать, что стихотворение Бунина – подробное описание картины Васнецова.

Подлинного совершенства эмблематической образности Бунин достигает в стихотворениях, осмысляющих строки Корана. Условно трёхчастная структура эмблемы реализуется в теме-названии, эмблеме-эпиграфе и пояснении-стихотворении. Не случайно, что одно из стихотворений о Коране Бунин назвал «Тайна». Его образ-эмблема – слова-иероглифы: Элиф, Лам, Мим, которыми открываются несколько сур священной книги мусульман. Считается, что в них скрыты великие тайны, известные лишь аллаху, пророку и ангелам. Эти таинственные слова и послужили эпиграфом стихотворения. В исламской традиции меч является символом священной войны мусульман против неверных, а также войны человека против его собственного зла. Клинок, украшенный буквами, смысл которых известен только Богу, является подарком Вышнего для борьбы с неверными.

В разделе «1.5. Память как структура и процесс» рассмотрены статические и динамические аспекты памяти. Суммируя результаты проведённого исследования, необходимо указать обширные классификационные ряды памяти. Существуют различные типологические схемы деления памяти, однако в нашей работе важно акцентировать внимание на памяти как «структуре» и «процессе».

Душевное состояние, сознание и память человека находятся в состоянии постоянного изменения. В каждое мгновение на чувство налагаются воспоминания об уходящих эпизодах жизни. События внешнего мира, внутренние состояния человека, откладывающиеся в нашей памяти, переживаются как сиюминутные, а в воспоминании как длящиеся. Память являет собой и запоминание, и воспроизведение, и хранение информации, знаний. Вспоминая, не всегда можно восстановить отдельные детали прошедших событий, но память высвобождает недостающие компоненты, хранящиеся в нашем сознании, и восстанавливает целостную картину во всех подробностях. Собственно, здесь и проходит та тонкая грань между памятью и воспоминанием. Воспоминание как процесс отличается от памяти-структуры возможностью интерпретации одного и того же события и описания, даже одним и тем же человеком, в зависимости от возраста, временной удалённости от вспоминаемого факта, условий воспоминания и других особенностей извлечения содержимого памяти. Всегда в воспоминании присутствует недостоверность, фактическая неточность, а иногда и умышленное приукрашивание (фантазия, воображение).

В поэзии Бунина граница между памятью и воспоминанием носит отчётливый характер. В стихотворении «Тихой ночью поздний месяц вышел...» дана картина свидания молодых людей. Память воспроизводит природные процессы, происходившие в момент свидания. Воспоминание изображает подвижную, эмоционально насыщенную, представленную зрительными, акустическими и одорическими образами лирическую сцену. Насыщенность описания событиями и переживаниями позволяет говорить о процессуальности воспроизводимой лирической ситуации, работе памяти как

механизма воспоминания. Кроме того, на лексическом уровне дано указание на припоминание: слово «помнишь».

Стихотворение «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...» представляет собой одно из немногих произведений, демонстрирующих процесс запоминания и рефлексии наблюдаемой ситуации. Процесс запоминания представлен с точки зрения поэта, размышляющего над природой творчества: «Зачем я должен радость этой муки, / Вот этот небосклон, и этот звон, / И темный смысл, которым полон он, / Вместить в созвучия и звуки?». ⁶ Наблюдения и рассуждения поэта не отражают динамики определённых процессов и являются памятью-структурой, выражая задумчивость, вмещают в себя импульс, толкающий к творчеству. Кроме того, «на память», для запоминания он кладёт пурпурный лист в тетрадь. Заложив кленовый лист между листов бумаги, лирический герой сохранил окружающую предметно-вещественную ситуацию в одной детали.

Типичным примером памяти-хранилища является представленное в стихотворении «И снова вечер, степь и чётки...» описание абстрактных чувств и ощущений в неопределённом месте. Зачастую, как в данном случае, конкретизируется лишь настроение, эмоциональное состояние лирического «я» в прошлом:

– Ты, молодость моя, вы, годы
Надежд, сердечной простоты?
Беспечной воли и свободы,
Счастливой грусти и мечты, –
Какой-то край обетованный,
Какой-то вечер в той стране. ⁷

Хотя речь идёт о воспоминаниях, однако неопределённость событий, отсутствие конкретных описаний не позволяет ясно восстановить происходившее. На статичность памяти указывают лексемы, обобщающие картину прошлого: «какой-то край», «какой-то вечер». Помимо прочего, чувства и ощущения лирического героя даны в отрыве от конкретных событий – это годы надежд, свободы, грусти и мечты, что само по себе в общих чертах представляет прошлое.

В произведениях Бунина память выступает в динамическом и статическом воплощении и представлена как воспоминание, припоминание, запоминание и реже – как забывание. Процессуальность памяти выражается в описании конкретных картин, представляющих определённое событие, память в структурном выражении предстаёт как некое эмоциональное состояние, атмосфера. Кроме того, для героев произведений Бунина характерно не просто воспоминание, а постоянное припоминание событий и фактов прошлого, непрерывное уточнение деталей.

Во второй главе «Коды культурной памяти в поэзии И.А. Бунина» рассматривается культурная и генетическая память. Сравнительная характеристика стихотворений Бунина и поэтов классического периода русской

⁶ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. ,М., 1965-1967. Т. I, С. 449.

⁷ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. ,М., 1965-1967. Т. VIII, С. 40.

литературы, а также современников писателя позволяет выявить особенности поэтики его произведений. В главе рассмотрена «память» как основа мировоззрения и творчества поэта.

В разделе «**2.1. Память и «невыразимое»**» исследуются проявления памяти в стихотворениях И.А. Бунина, в соотношении с проявлениями памяти в произведениях В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Бунин волнует невыразимое в жизни, то, «о чём никогда не пишут как следует в книгах». Следовательно, он в своих книгах пытается писать об этом как следует, его волнует неудержимое движение жизни, разрушительное течение времени, то, что подвластно только человеческой памяти, самому «сладкому и мучительному» средству переживания невозвратного прошлого: переживания, но не воскресения того «невыразимого, что есть в жизни».

К лирике поэта «невыразимое» имеет самое прямое отношение. В русской литературе вопрос о невыразимости переживаний и мыслей в слове берёт истоки в поэзии В.А. Жуковского и получает своё продолжение в творчестве Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. В стихотворении «Невыразимое» В.А. Жуковский говорит о бессилии словесного искусства перед тайной и красотой мироздания. Мотив «невыразимого» связывается в этом произведении с природой, чувством и памятью. И.А. Бунин продолжает тему «невыразимого» в своём творчестве, но продолжает по-своему. В его стихах тема «невыразимого» связана с мотивом беспомыслия, забывания: в стихотворении «Памяти друга» Бунин говорит, что слово не в силах выразить воскресшие образы нашей памяти. Сохранение памяти об изначальной силе и красоте слова, его природной семантике – одно из средств понимания сокровенных уголков человеческой души.

Рассуждения о выразительности слова сближают и разнят взгляды Бунина и Фета. Но разница их взглядов не всегда является противостоянием, спором: художники ведут диалог. А.А. Фет в стихотворении «Как беден наш язык! – Хочу и не могу...» в первой строфе говорит о бессилии обыденного слова в передаче чувств, а во второй утверждает, что лишь поэт и только поэт в силах выразить то, что не под силу обывателю: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах».⁸ И здесь кроется родство с рассмотренным выше сонетом Бунина: лишь поэту под силу передать «невыразимое». Разница в субъекте восприятия: в первом случае – каждый читатель, во втором – только поэт.

Строки стихотворения Ф.И. Тютчева: «Так, в жизни есть мгновения – / Их трудно передать, / Они самозабвения / Земного благодать»⁹ – содержат мысль о редких минутах душевной гармонии человека, самозабвении. Подобная мысль присутствует в стихотворении Бунина «Под орган душа тоскует...». Герой стихотворения Тютчева ведёт беседу с «птицами небесными» (устремлён в небо, что косвенно указывает на религиозное чувство), лирический герой Бунина говорит с Богом: «О Иисусе, в крестной муке

⁸ Фет А.А. Избранное. Смоленск: Русич. 2000. С. 421.

⁹ Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1976. С. 196.

/ Преклонивший лик! / Есть святыя в сердце звуки, – / Дай для них язык!».¹⁰ Однако если в стихотворении Тютчева речь идёт о невыразимых мгновениях (категории чувства во времени), то в бунинском стихотворении говорится о невыразимом отношении к ситуации (языке эмоций). Самозабвение в тютчевском стихотворении – в большей степени восторг перед силами природы, Бунин говорит о религиозном чувстве человека. В рассматриваемых стихотворениях присутствует мотив забвения, подчёркивающий невыразимость высших состояний человеческой души.

В стихотворении «В горах» Бунин представляет размышление о невыразимости самой поэзии, природе поэтического чувства. Настоящая поэзия, по мнению Бунина, заключена в особом взгляде на мир, прикосновении к прошлому, памяти предков, что, в свою очередь, вызывает в душе невыразимые чувства. Поэт озабочен проблемой «памяти слова». «Невыразимое» не только проблема чувства и памяти, но и вопрос беспомощности по отношению к исконной силе и красоте языка. Слово как исток культуры – объект внимания Бунина. Поэт не только ставит вопрос о «невыразимом», он пытается разрешить эту проблему в своём творчестве. Динамика художественного сознания поэта идёт от «невыразимого» в чувствах к «невыразимому» в культуре. В процессе творчества воспоминание переходит из сферы личных чувств, ощущений и переживаний к рефлексии онтологических проблем действительности, в область культурной и генетической памяти.

В разделе «**2.2. Память как основа диалога Бунина и поэтов Серебряного века: сравнительная характеристика**» проведены параллели между творчеством Бунина и поэтов Серебряного века. Исследование памяти в поэзии Бунина естественным образом выводит нас на вопрос взаимоотношений поэта со своей эпохой. Плодотворным в осмыслении своеобразия творчества поэтов является, безусловно, изучение сходства и различия тематических переключек в их произведениях. Интерес к исследованию стихотворений с повторяющимися названиями поэтов одной эпохи объясним возможностью проследить их отношение к вечным ценностям бытия, основополагающим вопросам мироздания. Зачастую тема заявлена уже в названии произведения. Стихотворения с характерными названиями «Венеция», «Память», «Слово», «Встреча» – не общее место поэзии Серебряного века, а особый взгляд на прошлое, осмысление возможности воскрешения ушедших дней, осознание силы человеческой мысли.

Лирическое событие воспоминаний в стихотворении «Венеция» представляет собой многообразие чувств – от восторга до мистического ужаса – и обусловлено различием восприятия и ассоциаций, возникающих в сознании лирического «я» в связи с увиденным. Наиболее субъективный взгляд на Венецию выражен в лирических миниатюрах Блока и Гумилёва, вызывающих у читателя мистически-религиозные переживания. В стихах Бунина, Гумилёва и Блока, посвящённых Венеции, упомянуты звуки колоколов и крылатый Лев (с книгой евангелиста Марка под правой лапой – у Гумилёва и Блока). В свою

¹⁰ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. М., 1965-1967. Т. I, С. 74.

очередь, Евангелие (в русской традиции) имеет устойчивую связь прежде всего с мыслью, выраженной во фразе: «В начале было Слово». И венецианская древность, и «прах» столетий, и библейские мотивы сконцентрированы в Слове. Прошлое, пережитое через творения архитектуры, воскресает в «Слове». Стихотворение Гумилёва «Слово» содержит в себе библейские реминисценции из книги Иисуса Навина: «Тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и стена города обрушится» (ИсНав. 6: 4). Стихотворение Бунина «Слово» шире охватывает действительность. До нас доходят сведения об исчезнувших цивилизациях, погибших культурах, древних царствах лишь в «письменах». Именно слово позволяет человеку сохранять знание, даёт возможность передавать и получать опыт ушедших поколений, позиционировать себя в мире и обществе. Всё проходит: умирают люди, разрушаются города, исчезают государства и сменяются устои общественного устройства, погибают цивилизации – всё имеет предел, кроме одного – вечно в мире лишь слово.

Удивительным образом перекликаются стихотворения Бунина «Памяти» и «Память» Гумилёва. В обоих стихотворениях поэты говорят о вечной жизни. Однако Бунин трактует жизнь человека как жизнь вечную, в духе христианской традиции. Лирический субъект бунинского стихотворения рассуждает о сущности человека, высказывает субъективное представление земного мира. Для него всё – это «мысль и звуки». Рассуждая об увиденных захоронениях, лирический субъект приходит к выводу, что мысль человеческая – это и есть вечность, так же как вечность – это только мысль. В стихотворении «Память» Гумилёв говорит о разных возрастах человека, о перерождении души. Образ памяти выступает как чувство, передающееся нам от того, кем мы были раньше в наших чувствах, мыслях, желаниях. Память в гумилёвском представлении – это цепь жизненных циклов, преображений души.

Анализируя поэзию Серебряного века, несложно прийти к выводу, что именно тяга к прошлому была одной из характерных черт литературы того времени. Архитектурные виды прошлого, звуки колоколов средневековых храмов, сохранившиеся в городах реалии ушедших эпох, запечатлённые в стихах поэтов Серебряного века, порождают в сознании человека, созерцающего древность, сходные мысли и впечатления, отсылающие к евангельским текстам. Обращение к памятникам древности, попытки не только выразить в слове воспоминания, но и понять, что же такое сама память – проблема, характерная для творчества символистов. Не только память становится объектом художественной рефлексии, но и само слово как проводник в прошлое подвергается творческому анализу. В стихотворениях В.Я. Брюсова, И.А. Бунина и Н.С. Гумилёва прослеживается связь трёх понятий: древность – память – слово. Прошлое сохраняется в памяти благодаря слову, и в этом единодушны поэты в своих стихах.

Сопоставление текстов стихотворений И. Бунина с текстами поэтических произведений модернистов в контексте темы памяти даёт возможность осмыслить не только их типологическое сходство, но и абсолютную уникальность его поэтики и стиля. Сходство проявляется в характерном для модернистов моделировании реальности, дискретности пространственно-

временного поля, т.е. фрагментарности воспоминаний, подвижности традиционных моделей письма, детализации описания. Бунина отличает от символистов естественность действия механизмов памяти, воссоздание бесконечного многообразия природного мира, натуралистичность изображения, сдержанность, в отличие от изысканности и нарочитой выпуклости внешних эффектов в произведениях поэтов-символистов.

В разделе **«2.3. Генетическая память: проявления памяти рода и национальной памяти в произведениях Бунина»** исследуется проблема бессознательной памяти. Ю. Мальцев в книге «Жизнь Бунина. 1870 – 1953» (1994). отметил, что почти все свои автобиографические заметки Бунин начинает цитатой из «Гербовника дворянских родов»: «Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к Великому Князю Василию Васильевичу»¹¹. В результате междоусобных войн уже на территории Великого княжества Литовского в середине XV в. победу одержало католическое большинство, православная церковь отошла от московского митрополита в подчинение константинопольскому патриарху. Некоторая часть православной знати по этой причине перешла на службу к государю московскому. Потому неудивительно, что «знатный литовский муж» выехал из Польши искать «почёта и славы» в соседнее государство.

Гордость за предков, память о них – одна из тем творчества И.А. Бунина. Достаточно сказать, что размышления о своих корнях, духовном родстве с предками представлены во многих его произведениях, начиная со стихотворений («Дедушка в молодости», «Люблю цветные стёкла окон...», «Призраки», «Могильная плита» и т.д.) и заканчивая крупными прозаическими творениями – «Суходол» и «Жизнь Арсеньева».

В.Н. Муромцева-Бунина записала в своих воспоминаниях: «Ян развивал свою теорию о воспоминаниях, о наследственности, об органичности в поэзии <...> Шмелёв сначала был задет, но затем, когда Ян объяснил, что он говорит о духовности в наследстве, то согласился. Ян говорит: «Вот и ваш талант объясняется, м.б., тем, что предки ваши были староверы, жили духовно, боролись из-за веры. Тут уже начинается культура».¹² Бунин предлагает свой подход к проблеме памяти, наследственности и творчества.

В стихотворении «Дедушка в молодости» лирический субъект пытается заглянуть в те времена, когда его ещё не было на свете. Особенность индивидуальной памяти заключается в ограниченности её во временных рамках жизни человека. Попытки увидеть далёкое прошлое, время, отстоящее от рождения человека на десятки и сотни лет, выходят за рубежи личностных воспоминаний, так же, как и попытки заглянуть в будущее, а потому так очаровательны «преданья старины глубокой» и предсказания пророков. Однако лирический субъект стихотворения «Дедушка в молодости» оказывается во времени, отделяющем его на век от сегодняшнего дня.

¹¹ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. М., 1965-1967. Т. IX, С. 253.

¹² Бунин И.А. Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. Т.2. С. 88-89.

Колокольный звон напомнил о торжественности дня и, предвосхищая знаменательность венчания, воздействует на эмоциональное состояние, восприятие окружающей действительности. Стихотворение передаёт очарование природного мира, наполненного солнечным светом, растительными запахами и красками. Впереди путь к той, что «краше всех»: «Стройна, нарядна и скромна. / С огнем потупленного взгляда».¹³ Лирический субъект бунинских стихотворений чувствует не только кровную, но и духовную связь со своими предками. В стихотворении «Всё снится мне заросшая травой...» субъект лирического повествования видит родовую часовню, слышит голос предков, призывающий оставить «нечистый» мир в «бесстыдный и презренный» век и обратиться в монашество, сохраняя обет служения Христу.

Бунин живо ощущал свою причастность к истории родины благодаря кровным и духовным связям с предками, осознавая себя звеном единой родовой цепи, берущей начало во тьме веков. Ян Ассман считает, что «от коллективной идентичности можно отказаться (если отвлечься от внешнего принуждения, которое может такой отказ затруднить или сделать вовсе невозможным), например, путем эмиграции или обращения в иную веру»¹⁴. Но Бунин, эмигрировав, остался русским и православным человеком (духовно и в крещении), он не отказался от коллективной идентичности, оставаясь личностью. Удивительным образом Бунин повторяет поступок своего предка, покинувшего государство, отказавшееся от веры в угоду безопасности. Можно предположить здесь действие генетической памяти, проявившейся в передаче от одного поколения к другому жизненно необходимых психологических и поведенческих свойств. Покинув Россию – он покинул страну, отказавшуюся от основ национального самосознания. Сохраняя в эмиграции вековые устои русской жизни, веру и язык, завещанные ему предками, Бунин не изменил своим принципам.

Память в поэзии Бунина ищет опору в истории, в реальных событиях прошлого. Память рода несёт в себе функцию сохранения информации о предках, их деяниях, служит для передачи знаменательных фактов и событий из жизни ушедших поколений. Память рода – это не только нечто сокрытое в глубине веков, сохранившееся в нескольких коротких строках повествование о славных делах предков, но и что-то близкое, происходившее на глазах людей, бывших участниками событий, о которых они сберегли память и передали её детям и внукам. И если древние гербовники хранят несколько скудных строк о славных представителях древних родов, сообщая эти сведения потомкам, то культурная память, трансформированная в художественное слово, способна воссоздать светлые и тёмные стороны жизни ушедших поколений, живших на нашей памяти либо затерявшихся в глубине веков.

Раздел «**2.4. Вечность и память**» посвящён проблемам жизни и смерти, священной роли памяти в поэзии Бунина. В 1932 году Иван Алексеевич Бунин в разговоре предложил «распутать» одну из тайн его творческой личности: интерес ко «всем Некрополям и Кладбищам мира». Память как возможность

¹³ Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. М., 1965-1967. Т. I, С. 418.

¹⁴ Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 143.

воссоздать прошлое неразрывно связана с тем, что скрыто во времени, погребено, исчезло с лица земли – усыпальницами людей, руинами древних городов, памятниками архитектуры. Память – это знание о смерти, свойственное только человеку. Дар памяти является двойственным: память воскрешает прошлое и даёт понимание мимолётности жизни. Интерес ко «всем Некрополям и Кладбищам мира» объясним повышенным вниманием поэта к «вечным» проблемам жизни и смерти, которые будут волновать его до конца дней.

По мысли Бунина, священные памятники различных религиозных конфессий являют собой пример осознанного поклонения адептов веры. Став при жизни образцом недостижимой жертвенности, всепрощения и доброты, люди, представленные святыми в сакральных текстах различных религий, заслужили трепетное отношение верующих к их личности, памяти и останкам. Захоронения святых являются не только объектами культового поклонения, но и священными символами мировой культуры. Стихотворения «Гробница Рахили» и «Гробница Сафии» – дань уважения святым иудейской и мусульманской религии.

Бунин декларирует в указанных стихах всеединство религиозных воззрений. Рахиль – имя, священное для иудеев, Сафия – иудейка, сменившая свою веру на Ислам, приобрела статус мусульманской святой. Следовательно, важна не принадлежность к определённой религии, а дела человека, как сказано в Евангелии: «Итак по плодам их узнаете их» (Мф. 7: 20). Поэт выражает мысль об общности заветов различных религий, но сводит её к евангельскому пониманию смысла жизни. Ибо, как гласит древняя притча: отец, умирая, подарил трём сыновьям одинаковые перстни, заблаговременно сделав две копии с драгоценности, которой он владел, заверив юношей в подлинности каждой. Все сыновья гордились подарком, считая свой экземпляр оригиналом, но только отцу было известно, кто владеет настоящим сокровищем. Так и религии: все считают свою веру истинной, но только Отец знает – кто владеет оригиналом.

Для творчества Бунина характерна мысль о наследии человека – будь то адресованные потомкам строки, либо просто некий «след». В стихотворении «Надпись на чаше» лирический субъект находит тысячелетнее послание. Надпись является мостом, соединяющим прошлое и настоящее, дающим понимание вечности всего сущего. Душа исчезнувшего с лица земли человека воскресает в надписи: в мыслях читающего, в его памяти. Стихотворение «Могила в скале», лейтмотивом которого является память о человеке, оставившем след, дошедший до момента появления лирического героя в его усыпальнице, выражает идею всеединства. Воображение лирического героя проникло сквозь толщу тысячелетий, узрев последний миг человека, оставившего след в пещере. Однако это не просто иллюзия, а своего рода прапамять, расширение границ реальности, чувство вечности и бессмертия.

Для Бунина характерен особый взгляд на проблему «художник и вечность». Она раскрывается в стихотворении «Художник», написанном в 1908 году, через несколько лет после смерти А.П. Чехова и посвящено его памяти. В стихотворении поэт обращается к теме жизни и смерти. Проблема «художник и небытие» берёт своё начало во времена античности и проявляется

в творчестве большинства писателей, и как одна из основополагающих присутствует в творчестве поэтов русского символизма, обретая своё неповторимое звучание. Содержание стихотворения Бунина позволяет говорить, что герой грустит о том, что его скоро не станет, а мир будет всё так же прекрасен, и, хотя человек исчезнет – весь мир будет существовать, такой же вечный и неизменный. Мысль о неизбежности расставания со всем, что так дорого человеку, вызывает скорбь, но чувство это порождает не страдание, а состояние умиротворенности. Именно память, а точнее воображение, позволяют видеть то, что будет впереди, но взгляд этот обращён будто из будущего в прошлое – он видит будущую смерть в предметно-чувственном обрамлении сегодняшнего дня: журавль, которого «художник» наблюдает в данный момент, окажется и на похоронах, т.е. в ситуации «после смерти».

Бунин пристально всматривается в кладбища древнейших цивилизаций, потому что они позволяют почувствовать «простор, освобождение от времени, от земного тления, печальное и высокое сознание тщеты всяких слав и величий» [IX, 365], дают возможность заглянуть за грань реальности. Этот взгляд позволяет понять и постичь земную красоту, ценность и величие жизни во всех её даже самых кратких, мгновенных проявлениях. Поднимая и эмоционально выражая в своих произведениях глобальные проблемы бытия, Бунин искал ответы на вопросы об извечных началах исторической и духовной жизни человечества. Могилы и кладбища в его понимании – места сохранения святынь. «Вечная жизнь» – это жизнь в памяти народа. Именно память – средство, связующее живых и мёртвых, способ созерцания вечности.

В разделе **«2.5. «Христианский вектор» воспоминаний в поэзии Бунина»** выявлены православные основы мировоззрения поэта. Феномен «память», так или иначе связан с «религиозным вектором» (И.А. Есаулов) изучения художественного творчества. Канонические тексты богословских сочинений, несущие заряд поэтического вдохновения, содержат информацию, отделённую веками от времени её осмысления художником. Каждая религиозная доктрина, обозначенная в произведениях поэта, занимает определённое место в его творчестве и составляет в совокупности религиозную область культурной памяти.

Уже в ранних стихах поэт обращается к образу Иисуса Христа. Понимание и творческое воплощение образа Спасителя заключено в определённую художественную парадигму. Изобразительный ряд этих стихотворений строится на символических обобщениях присутствия Спасителя в человеческой ипостаси. Образ Иисуса Христа является в некотором роде показателем отношения Бунина к христианству. Интересен в этом отношении взгляд Бунина на католическое богослужение. В стихотворении «В костёле» дана картина католической службы. Бунин создаёт образ «искусственного», созданного людьми Христа. Поэт рисует убранство католического храма, напряжённое ожидание начала церковной службы, скорбный лик распятого Христа, запечатленный в скульптуре. Западное богослужение представлено в обыденном исполнении шаблонного церковного устава. Привычное течение христианских обрядов католической церкви волнует душу только звуками

органа, возвращает человека к мыслям о страданиях Спасителя и торжестве жизни над смертью. По мысли лирического героя, не искусственно созданные предметы культа олицетворяют божью церковь, не рукотворные памятники и сделанные из цветной материи «мёртвые цветы», а сама жизнь, дивный мир природы, созданный творцом.

Загадочный смысл стихотворения «Гермон» поражает читателя, близко не знакомого с исламом, скрытым значением слов арабского языка, присутствующих в стихотворении. Дело в том, что Бунин в тонкостях изучил мусульманское учение и разновидности течений ислама. Детальный разбор стихотворения позволяет прояснить его тайный смысл. Гермон – одно из мест обитания друзов. Религия друзов – это одно из ответвлений исламского направления шиитов, представляющая собой смесь элементов различных религий (толстовство). Друзы исповедуют учение о переселении душ. Все деяния души в течение всех её перевоплощений будут учтены на Страшном Суде. Можно предположить, что строки, упоминающие Иисуса Христа, говорят о признании Его последователями религии друзов как одной из ипостасей их Бога. Перечисление мест, связанных с евангельскими притчами, является подтверждением интереса поэта к восприятию христианского Бога иноверцами.

Обращение Бунина к темам, связанным с той или иной религиозной доктриной, вызвано его путешествиями и заключено в определённые периоды. Все путешествия нашли своё отражение в произведениях Бунина тех лет. В то же время христианские темы и мотивы присутствуют в его произведениях на протяжении всего творчества. Стихотворение «В Гефсиманском саду», в отличие от стихотворения «В костёле», изображает образ Иисуса Христа в его земной ипостаси. «В Гефсиманском саду» Бунин воссоздаёт картину, представленную в евангелии от Матфея, где сказано, что Христос с учениками отправился в Гефсиманский сад и молился там, в то время как просил учеников бодрствовать, а они уснули, «ибо у них глаза отяжелели» (Мф. 26: 43). Конкретизируя картину происходившего в саду, Бунин рисует умиротворенного Спасителя и скорбь природы, страдающей Сыну Божьему. Терн и кипарис «предсказывают» неминуемые страдания Христа и торжество воскресения.

Христианский код поэзии Бунина – явление культурно-исторической идентификации. По своей ментальности, духовно-нравственным устоям он принадлежит русской культурной традиции, православному мирозерцанию, т.к., по справедливому замечанию И.А. Есаулова, «в России, как известно, *конфессиональный* признак был всегда иерархически выше признака *национального*. Духовное (духовное самоопределение) значило больше, нежели кровь и нация»¹⁵. Однако при всей любви к «преданьям старины глубокой», преданности родной культуре, поэт оставался человеком своего времени – времени сложных, зачастую противоречивых духовно-религиозных исканий. Общеизвестный факт интереса и симпатий Бунина по отношению к различным религиозно-

¹⁵ Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения «Миргород» Н.В. Гоголя. М., 1995. С. 12.

философским школам является доказательством широты его интересов и стремления найти некую универсальную истину в понимании мироздания.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Фенчук О.Н. «Встреча»: код культурной памяти в одноимённых стихотворениях И. Бунина и В. Брюсова / О. Н. Фенчук // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – №2. – С. 139-143.
2. Фенчук О.Н. «Аромат солнца» в стихотворениях И. Бунина и К. Бальмонта / О.Н. Фенчук // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – №1. – С. 115-117.

Публикации в других изданиях:

3. Фенчук О.Н. Елецкая мужская гимназия в творчестве И. Бунина и М. Пришвина / О.Н. Фенчук // Елецкий креатив: жизнь и судьба учащихся и учителей Елецкой мужской гимназии: сборник материалов по итогам научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 130-136.
4. Фенчук О.Н. Память как условие и гарантия будущего в произведениях Твардовского / О.Н. Фенчук // Наследие А.Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим: сб. науч. статей. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – с. 239-248.
5. Фенчук О.Н. Память и «невыразимое» в поэзии Бунина / О.Н. Фенчук // Память разума и память сердца. Материалы Всероссийской науч. конф. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 228-236.
6. Фенчук О.Н. Память и воспоминание в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / О.Н. Фенчук // Метафизика И.А. Бунина: межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 80-86.